

УДК 343.9.018.3

П. П. Сердюк

ПСИХИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА И ПРЕСТУПНОСТЬ

Постановка проблемы. Утверждение о том, что люди, страдающие психическими расстройствами, более склонны к совершению различных преступлений, чем здоровые люди, упало на благодатную почву, поскольку слаб человек и охотно верит тому, что преступное, безобразное поведение для человека – нечто чуждое, поэтому ему способствует скорее безумие, чем животная природа человека.

Именно поэтому разные исследователи гадали о психическом состоянии преступников, заключённых в тюрьмы. В начале прошлого века назывались такие гадательные цифры, как 50% шизофреников и 30% с дегенеративным расстройством среди преступников, или 40% первых и 35% вторых [1, с. 93]. Учитывая, что психиатрия является очень неточной наукой, которая так часто пересматривала свои критерии болезней, что даже неловко за неё становится. О психологии вообще стоит промолчать, поскольку в большинстве своём это псевдонаука. В любом случае такие цифры называли люди, ведомые убеждением, что преступление – это путь ненормального человека. Отнюдь, желание увидеть в нём только разумного посетителя театров и библиотек или завсегдатая церкви и страстное нежелание видеть в человеке животного может привести к подобным выводам, так как здоровому преступнику отводилось лишь 20–25% места, остальные же суть ненормальные.

Цель статьи. Задача, которая расстилается перед исследователем, – пресложная, поскольку истину нужно нащупывать почти в полной темноте, ведь наука о человеческом головном мозге так нам и не дала чётких ориентиров в том, что следует понимать под психическим расстройством или аномалией. Международная классификация болезней в этом слабый помощник, поскольку количество расстройств всё множится и часто без должной научной почвы для этого. Их нередко плодят под диктовку фармацевтических кампаний, которые рады продать свой побочный продукт от сторонних исследований. Вот поэтому-то так сложно определиться.

Изложение основного материала. Существует мнение, что к психическим аномалиям следует относить психические недостатки человека, и по разным оценкам у преступников такие недостатки встречаются до поло-

вины случаев из всех учтённых и изученных преступников. Вот, правда, в основе этих исследований заложен свой весомый недостаток, а именно то, что количественные характеристики таких аномалий не исследовались в фокус-группах тех людей, которые не были замечены в совершении преступлений. К психическим аномалиям относятся расстройства, которое исключают вменяемость, и такие, которые её не исключают. Это алкоголизм, психопатия, черепно-мозговая травматическая астеня, олигофрения, психические реакции в ответ на воздействие психической травмы или реактивные состояния, эпилепсия, сосудистые заболевания с психическими изменениями, шизофрения [2, с. 11–23].

Однако найти удовлетворительные данные, которые можно положить в основу вычисления удельного веса влияния психических аномалий на вероятность совершения преступления, почти невозможно, поскольку государство печётся только о тех данных о заболеваниях преступников, которые исключают вменяемость. Посему оно вынуждает нас ограничиться только такими данными. В то же время аномалиями можно считать только те проявления работы головного мозга человека, которые не превышают 5%-го барьера среди всего населения, так как в противном случае это уже вряд ли будет аномалией [3, с. 536].

В 2017 г. в Украине было зарегистрировано 961 418 человек, страдающих расстройствами психики и поведения. Кроме психотических расстройств, сюда относили и наркоманов, и лиц, страдающих ПТСР – посттравматическим стрессовым расстройством. Ввиду этого часть из их числа будет создавать погрешность, поскольку сравниваться будут только с теми из числа преступников, которые болеют психическими расстройствами, исключаящими вменяемость. Вероятность появления таких людей в общей массе населения составляет $\frac{76804}{37574452} = \frac{1}{480}$.

Количество всех осуждённых в 2017-м г. составляло 76 804 человека, а признанных невменяемыми – 657 человек. Удельный вес осуждённых для всего уголовно-дееспособного населения – 0,2%. Вероятность появления осуждённого к такому населению составляла $\frac{76804}{37574452} = \frac{1}{480}$, а вероятность появления невменяемых, которые совершили уголовно-запрещённые деяния по отношению ко всем зарегистрированным лицам, страдающим психическими расстройствами, – $\frac{657}{961418} = \frac{1}{1463}$ или 1 к 1 463 возможностям. По отношению ко всем осуждённым и к психически здоровому населению их число весьма скромное, и вероятность совершения человеком с психической девиацией преступления значительно ниже, судя по этим данным, чем для здорового человека.

Что если измерять вероятности по отношению не к количеству всего населения и всех зарегистрированных психически аномальных людей, а к математически ожидаемому числу таких лиц? Выйдут такие результаты. Вероятность появления преступника среди психически здорового населения к математически ожидаемому числу таких преступников составляет

$\frac{76804}{784401} = \frac{1}{10}$, то есть один к десяти. Вероятность появления преступника среди психически не здорового населения к математически ожидаемому числу таких преступников составляет $\frac{657}{20043} = \frac{1}{30}$. Вероятность совершения преступлений психически здоровым человеком больше, чем человеком с психической девиацией – $\frac{1}{10} > \frac{1}{30}$.

Даже узконаправленное изучение этого вопроса, а именно изучение преступников с психическими девиациями, совершившими насильственные преступления, говорит о том, что лица с психическими девиациями не превалируют количественно над преступниками без оных. Так, одно из таких исследований, основанных на эмпирическом материале за период с 1997 по 2003 гг. в Украине, говорит о том, что только 36,9% преступников, совершивших насильственные преступления, относились к таковым, у которых есть психические аномалии. Но подсчёты велись с досадными ошибками. В частности, стихийной контрольной группой были лица, упоминаемые в 326 уголовных делах, входящих в общую совокупность 732 уголовных дел, из которых по 406 проводились судебно-психологические, судебно-наркологические и судебно-психиатрические экспертизы. Доля в 150 человек или 36,9% определялась применительно к этим 406 уголовным делам, а не ко всей совокупности в 732 дела, что неверно. Дело в том, что законодательство того времени предусматривало обязательное проведение экспертизы для определения психического состояния подозреваемого или обвиняемого при наличии в деле данных, которые вызывают сомнение в его вменяемости. А это означает, что выход в 150 человек получен из массы в 406 человек, которые по жестокости преступления или поведению в ходе общения с подозреваемым или иным показанием вызывают подозрения о возможных проблемах с психическим здоровьем у подозреваемого. Таким образом, отбор означенной выборки уже акцентирован и не даёт возможности сделать точный замер. Можно сказать, что такая выборка не представляет слепого исследования, напротив, ищут там, где наиболее очевидно. Но в таких условиях адекватного соотношения психически здоровых и тех, у кого есть психические аномалии, выявить не удастся. Даже при таком подходе количество лиц с психическими аномалиями в таких специфических преступлениях, где разрыв социальной связи наиболее очевиден, не доходит даже до половины преступников с психическими аномалиями. Нужно иметь в виду, что категории уголовных дел, которые стали эмпирическим материалом, предусматривают более частое назначение экспертиз, следовательно, эти данные нельзя аппроксимировать на всю преступность.

Более того, отмечается, что большая часть из выявленных преступников, у которых наблюдались психические аномалии, составляют алкоголики (34%), что говорит о том, что означенный фактор в большей своей части дублирует фактор пьянства, который коррелирует с преступностью. Второе место занимают психопаты (20,7%), а третье – олигофрены (16%).

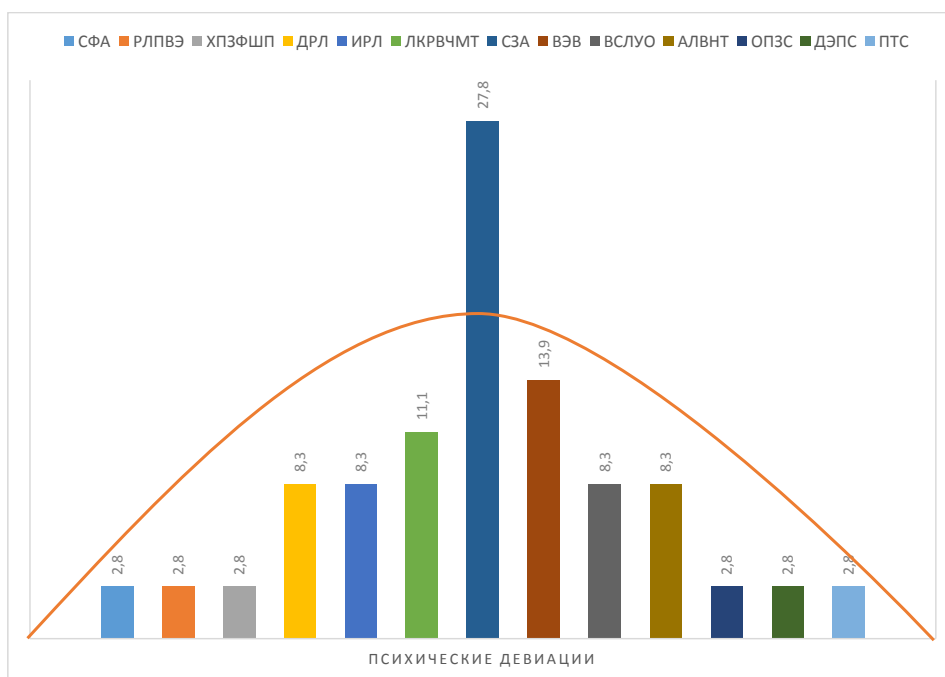
Однако в целом нужно отметить, что такой подсчёт был некорректным [4, с. 205–209]. Если его положить в основу вычисления вероятностей, то это всё равно, что пытаться определить количественное распределение железных крошек на столе, ища их только возле магнита.

Эмпирически не подтверждается, что подавляющая часть насильственных, имущественных и половых преступлений совершается психопатическими личностями, а среди лиц с психическими аномалиями от 40-ка до 90% психопатов [5, с. 79]. Напротив, большинство преступников, у которых выявлены психические аномалии, страдают другими акцентуациями. Очевидно, что указанный выше сверхвысокий показатель психопатий просто связан с несостоятельностью диагностики этого «заболевания». Попросту имеет место ярлык на преступниках, проявивших девиантное поведение. Психологам, поскольку они не изучают материальный субстрат поведения человека – головной мозг, часто неведомо, что асоциальное поведение, буйность и агрессивность могут быть результатом морфологии головного мозга и доминированием инстинктивно-гормональной регуляции поведения над рассудочной системой регуляции поведения человека.

Данные, которые удалось изыскать методом сплошного изучения уголовных производств в Украине за период 2017–18 гг., показывают, что, действительно, самый большой процент лиц с психическими отклонениями в пределах вменяемости составляют насильственные преступники, осуждённые преимущественно за убийство и причинение тяжких телесных повреждений. Таковые составляют из общей массы тех, у кого в ходе судебно-психологической экспертизы были выявлены психические отклонения, – 75%. Очевидно, что этот процент такой высокий из-за частоты инициирования проведения судебно-психологических экспертиз. И всё же показатель осуждённых с психическими аномалиями более низок, поскольку в списке результатов есть обвинённые в преступлениях, по которым проведение таких экспертиз не обязательно. Доля лиц с психическими отклонениями составляла 23,8% среди всех дел, по которым производились судебно-психологические экспертизы. Это в любом случае показывает, что наличие психических аномалий или отклонений демонстрирует меньшую вероятность совершения преступлений по сравнению с теми, у кого таких аномалий не выявлено.

Количество всех осуждённых в Украине за 2017–2018 гг. составляло приблизительно 177 236 человек, а лиц с психическими отклонениями в пределах вменяемости из этого числа выявлено всего 36 человек. Вероятность появления осуждённого к такому населению составляла $\frac{177236}{37574452} = \frac{1}{212}$, а вероятность появления лиц с психическими отклонениями в пределах вменяемости, которые совершили уголовно-запрещённые деяния по отношению ко всем зарегистрированным лицам, страдающим психическими расстройствами за этот период, – $\frac{36}{1500000} = \frac{1}{41667}$ или 1 к 41 667 возможностям. По отношению ко всем осуждённым и к психически здоровому

населению их число весьма скромное, а вероятность совершения человеком с психической девиацией преступления значительно ниже, судя по этим данным, чем для здорового человека, просто потому, что психически неполноценных людей меньше. Даже если учитывать некую акцентуацию, что при прочих равных условиях человек с психическими девиациями

Диаграмма 1. Распределения психических расстройств среди преступников (%)

СЗА – синдром зависимости от алкоголя;
 РЛПВЭ – расстройства личности и поведения вследствие эпилепсии с легкими изменениями;
 ДРЛ – диссоциальное расстройство личности;
 СФА – состояние физиологического аффекта;
 ХПЗФШП – хроническое психическое заболевание в форме шизофрении параноидной;
 ОПЗС – синдром зависимости от опиоидов и психостимуляторов;
 ИРЛ – клинические признаки инфантильного расстройства личности;
 ДЭПС – временное болезненное расстройство психической деятельности в форме тяжелого депрессивного эпизода с психотическими симптомами;
 ВЭВ – состояние выраженного эмоционального возбуждения;
 ВСЛУО – признаки врожденного слабоумия в виде легкой умственной отсталости;
 ЛКРВЧМТ – признаки легкого когнитивного расстройства вследствие перенесенной черепно-мозговой травмы;
 АЛВНТ – акцентуации личности по возбуждающему неустойчивому типу;
 ПТС – посттравматический синдром.

совершит преступление вероятнее, чем психически здоровый, разница в такой вероятности невелика. Очевидно потому, что человек не спустился с небес, а вполне себе животное, и в массе своей люди предрасположены к животному или биологическому поведению настолько, что даже психически неполноценные в этом смысле мало отличаются от здоровых. Здесь не стоит заблуждаться и выискивать какую-то особенную природу человека. Прищурившись, у большинства можно «увидеть хвост», который тянется к нам от нашего последнего общего предка.

Что касается распределения психических расстройств среди преступников, то их можно увидеть на диаграмме 1. Предположение о том, что вид психического отклонения влияет на вид совершаемого преступления [6, с. 16], подтверждается лишь отчасти. Например, психопатии и аффектированные состояния чаще связываются с насильственными преступлениями, но зависимости от психоактивных веществ идут с ними рука об руку и соотносятся, как 9:8. Это, скорее, связано с самим диагностированием. Исследователи склонны видеть в насильственных преступниках психопатов и склонных к аффектам личностей, именно в связи с преступлением.

Не сложно заметить, что распределение психических отклонений среди преступников соответствует гауссовому распределению, а наиболее криминально активные среди них имеют зависимости от психоактивных веществ, черепно-мозговые травмы или были в аффектированных состояниях. Это свидетельствует, что такие преступники либо органически травмированы, либо действуют вследствие интоксикации головного мозга, либо пребывают в условиях сильного психотравмирующего воздействия, когда человек чаще, чем в других случаях действует шаблонно, будучи ведомым своим амигдалярным комплексом.

Есть, действительно, мало исследований, в которых этот вопрос изучался с оглядкой на контрольную группу. Одно из них было проведено на основе данных по Мурманской области России за период с 1996–98 гг. Контрольная группа составляла 878 человек, помещённых в условия несвободы и впоследствии осуждённых, но не обнаруживших психических отклонений. Основная группа испытуемых насчитывала 247 преступников с диагностированными психическими отклонениями. Исследователь, стремясь избежать недостатков предыдущих изысканий по этому вопросу, уделил главное внимание изучению материалов личных дел на уровне материалов следственных изоляторов, уголовных дел, материалов личных дел осуждённых, медицинской документации, но не придал надлежащего внимания важнейшей цифре общего количества осуждённых, находящихся на исследуемой территории. Именно она бы дала ключ к разрешению вопроса о том, располагает ли наличие психической аномалии к совершению преступлений в большей мере. Даже отведя должное внимание контрольной группе это было бы заведомо некорректно, так как вероятность складывается из нескольких цифр — общего количества осуждённых, количества лиц, признанных невменяемыми, количества лиц, совершивших преступления, имея те или иные психические аномалии, входящие в список исследователя [7, с. 134, 263].

Возьмём грубо и представим, что эти цифры можно использовать для построения вероятности того, что лицо с психической аномалией совершит преступление. При этом нужно помнить, что этот показатель будет заведомо искажённым в пользу более высокой вероятности совершения преступления человеком с психической аномалией, поскольку не располагая цифрой общего количества осуждённых, которую должен был использовать исследователь в своих выводах о мере криминальности лиц с психическими аномалиями, нельзя построить корректное число математически ожидаемого числа преступлений, как предельного показателя возможных исходов. В любом случае $\frac{247}{878} = \frac{1}{3}$ означает, что вероятность того, что лицо с психической аномалией совершит преступление, составляет один к трём. Вероятность же совершения преступления здоровым лицом составляет $\frac{878}{17772} = \frac{1}{20}$, а $\frac{1}{3}$ больше, чем $\frac{1}{20}$. Цифра 17 772 – это количество осуждённых человек за 1996–98 гг. в Мурманской области России, которые не имели психических расстройств.

Если парировать, то эту цифру нужно относить ко всему населению, способному совершить преступление по возрасту, и нужно воспользоваться статистикой лиц, страдающих психическими аномалиями из всего населения, и такой же для лиц здоровых в этом смысле. Выйдет, что вероятность совершения преступления лицом, у которого есть психическое расстройство, составляет $\frac{82}{8402} = \frac{1}{103}$, или один преступник на 103 возможности совершить преступление человеком, у которого есть психическое расстройство. А что до здоровых, то у них эта вероятность составляет $\frac{5924}{1041898} = \frac{1}{175}$, или один преступник на 175 возможностей совершить преступление человеком, у которого нет психических расстройств. Очевидно, что $\frac{1}{103}$ больше, чем $\frac{1}{175}$. Тут нужно, однако, заметить, что цифры 82 и 5 924 взяты как средние за 1996–98 гг. для корректного сравнения в знаменателях дробей, которые представляют данные за один 1998 г.

Резонно заметить, а не лучше ли взять не цифры зарегистрированного всего здорового населения и тех, кто отмечен психическими расстройствами, а располагать математически ожидаемыми числами, ведь вряд ли все эти люди в равной мере могут претендовать на совершение преступлений? Иными словами, не все из здоровых и больных способны на совершение преступлений так, чтобы вместо этих данных не взять математически ожидаемое число. Для лиц с психическими отклонениями это будет 177, а для здоровых – 21 830 за 1998 г. Получается, что вероятность совершения преступления одним человеком с психической девиацией преступления к математически ожидаемому количеству преступлений, возможно совершённым лицами с психическим отклонением, составляет $\frac{82}{177} = \frac{1}{2}$, а вероятность совершения преступления одним здоровым человеком – $\frac{5924}{21830} = \frac{1}{3}$.

Явственно видно, что основываясь на данных, предоставленных вышеуказанным исследователем и полученных из статистических материалов, вероятность совершения преступления лицом с психическим расстройством выше, чем для психически здоровых людей.

Почему этот результат говорит об обратной закономерности, чем предыдущий? Вероятнее всего, что ответ нужно искать в некорректной выборке, которую использовал вышеуказанный исследователь. Либо занижен показатель в 5 924, либо завышен показатель лиц, страдающих психическими девиациями, совершивших преступления в состоянии вменяемости.

Данные в целом по России демонстрируют другую вероятность. Общее количество больных с психическими расстройствами в России на 2017 год – 3 960 732 человек. Вероятность появления таких людей в общей массе населения составляет $\frac{3960732}{146804000} = \frac{1}{37}$.

Количество всех осуждённых в 2017-м г. составляло 688 717 человек, а признанных невменяемыми – 8 337 человек. Удельный вес осуждённых для всего уголовно-дееспособного населения – 0,6%. Вероятность появления осуждённого к такому населению составляла $\frac{8337}{3960732} = \frac{1}{475}$, а вероятность появления невменяемых, которые совершили уголовно-запрещённые деяния по отношению ко всем зарегистрированным лицам, страдающим психическими расстройствами, – $\frac{8337}{3960732} = \frac{1}{475}$ или 1 к 475 возможностям.

По отношению ко всем осуждённым и к психически здоровому населению их число весьма скромное, и вероятность совершения человеком с психической девиацией преступления значительно ниже, судя по этим данным, чем для здорового человека.

Можно предположить, что такой результат является последствием того, что учитываются только те психически больные, болезни которых способствуют невменяемости, а остальные психические расстройства должны показать большее количество осуждённых с таковыми расстройствами. Несложно проверить данные по судебно-психиатрическим экспертизам, и выясниться, что невменяемыми признаются около 7% из всех испытуемых. Пускай число всех психически больных предположительно совершивших преступления будет 167 831 человек, с учётом тех, кто признан невменяемым. Тогда выйдет, что вероятность совершения уголовно-запрещённого деяния будет $\frac{167831}{3960732} = \frac{1}{23}$ или 1 к 23. А что изменится, если высчитывать вероятность ко всему населению, достигшему возраста уголовной ответственности, а не только к людям с психическими расстройствами?

Для сравнения нужно учитывать не количество осуждённых, а всех выявленных преступников, и отнять от него количество лиц, которые направлялись на судебно-психиатрическую экспертизу, пренебрегая погрешностью в виде количества лиц, которые были признаны психически здоровыми из этого числа.

Итак, вероятность совершения преступления лицом с психическим расстройством по отношению ко всему населению, достигшему возрас-

та уголовной ответственности, будет $\frac{799272}{121256000} = \frac{1}{151}$ или 1 к 722. Вероятность совершения преступления лицом среди выявленных преступников без психических расстройств составляла $\frac{799272}{121256000} = \frac{1}{151}$ или 1 к 151. Это означает, что вероятность совершения преступления лицом с психическим расстройством меньше, чем у здорового. Но правилен ли такой подход? Нет. Ведь количество людей в общей группе гораздо больше. Это и способствует большему рассеянию числа преступников в большом населении, что даёт меньшую вероятность, и тому, что нельзя корректно сравнить интересующие группы, так как одна, меньшая, растворяется в другой, большей.

Чтобы это исправить нужно пользоваться математически ожидаемым числом психически здоровых преступников и преступников с психическими девиациями. В итоге выйдет такой результат. Вероятность совершения преступления одним человеком с психической девиацией преступления к математически ожидаемому количеству преступлений, вероятно совершённых лицами с психическим отклонением, составляет $\frac{167831}{86012}$, что означает невозможность пользоваться данными о лицах, которые исследовались в ходе судебно-психиатрической экспертизы, поскольку есть данные лишь о тех из них, кто признавался невменяемым (6,6% из них). Выходит, что математически ожидаемое число таких гораздо меньше, чем количество испытуемых, большая часть из которых здоровы. Вероятность совершения преступления одним здоровым человеком к математически ожидаемому количеству преступлений, возможно совершённых психически здоровыми, составляет $\frac{799272}{2542818} = \frac{1}{3}$, или 1 к 3.

Следовательно, можно с большой долей вероятности предполагать, что завышенные данные о количестве лиц с психическими аномалиями, которые совершили преступления, в качестве испытуемых для вычисления вероятности совершения ими преступления по отношению ко всем зарегистрированным лицам, страдающими психическими расстройствами, использовать нельзя. Лучше ограничиться данными о действительно диагностированных лицах.

Тот же автор, увеличив временной период с 1996–98 гг. до 1996–2000 гг., и в том же регионе, прибавил и в количестве за счёт временного промежутка. Теперь контрольная группа у него была в 1 057 человек тех, кто подвергались обследованию, но психических расстройств у них не было выявлено. Но и испытуемых, совершивших преступления, и обнаруживших наличие психические расстройства, прибавилось до 445 человек [8, с. 145, 492].

Но всё же трудно пройти мимо тех данных, которые указывают, что среди осуждённых, отбывающих наказания, до 33% (2002 г.) тех, кто болеют психическими заболеваниями [9, с. 4]. Это гораздо больше, чем соотношение больных и здоровых среди законопослушных. Эти доли дают

основание предполагать, что психически не здоровые чаще становятся осуждёнными ввиду своего поведения. Однако это предположение опровергается легко, поскольку криминологи прибегают к неправильному построению математической модели. Долю нужно определять не применительно к количеству осуждённых, а ко всему населению, достигшему возраста криминального вменения. И получится, что вышеуказанная доля в 33% психически больных среди осуждённых выглядит внушительно лишь до той поры, пока не посмотреть на картину под другим углом зрения. Соотношение психически больных осуждённых ко всему населению, достигшему 16-летнего возраста, в 2002 г. в России составляло 0,26%, а количество психически здоровых к такому населению – 0,6%, что означает *развенчание мифа о большей криминальной активности психически больных людей*.

Для должного исследования надо обследовать всех испытуемых, без того, чтобы оценщикам было известно, кто перед ними, осуждённые или нет. Понятно, что человек в состоянии визуально оценить по речи, манерам, внешнему виду, кто перед ними.

Есть утверждения, что люди с расстройствами, связанными с деменцией (приобретённое слабоумие), чаще совершают насильственные преступления по сравнению с другими, в том числе с теми, кто имеет психические девиации [10, р. 239–248]. Это не развеивает миф, поскольку самой высокой насильственной активностью характеризуются те люди, у которых морфологически более выражен амигдаллярный комплекс головного мозга, но эта особенность не является психической аномалией (рис. 1, 2).

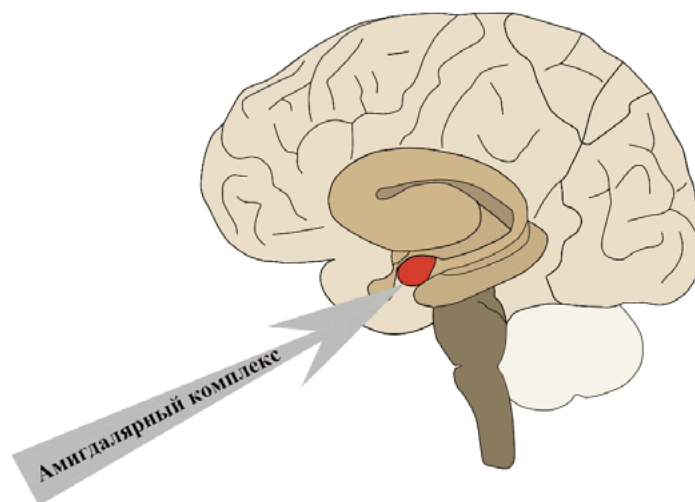

Рис. 1. Средний размер амигдалы

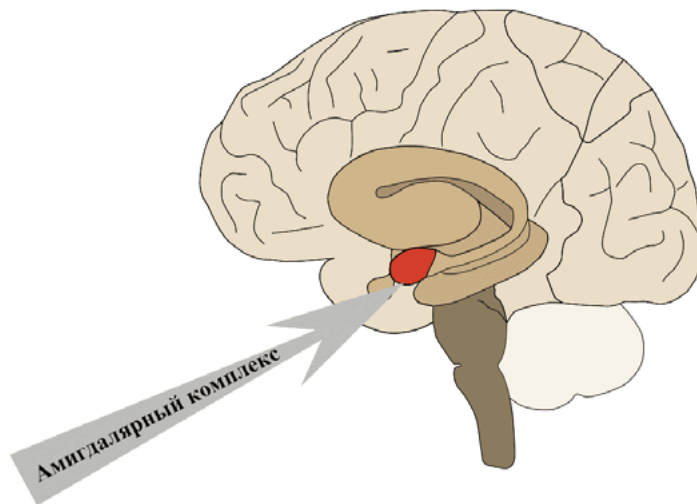

Рис. 2. Увеличенный размер амигдалы

Выводы. Гипотезы о том, что люди с психическими расстройствами более склонны к совершению насильственных преступлений, чем здоровые люди, не нашли своего эмпирического подтверждения. Напротив, можно увидеть то, что люди с психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ и аффективными расстройствами, приблизительно в равной мере совершают насильственные и корыстные преступления, и ведущую роль здесь всё-таки выполняют расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ. Но мысль о большей вероятности совершения такими людьми преступлений по сравнению с нездоровыми людьми эмпирически не подтверждается. Это является ещё одним напоминанием о ведущей роли стратегии выживания, нежели о болезненной не социализированной натуре.

Литература

1. Аихенвальд Л.И. Влияние лишения свободы на психически неустойчивых и неполноценных. *Изучение преступности и пенитенциарная практика. Всеукраинский кабинет по изучению личности преступника и преступности при Одесском центральном Допре*. Одесса : Издание Одесского центрального Допра, 1927. Выпуск первый. С. 91–95.
2. Антонян Ю.М. Преступность и психические аномалии: монография / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин; Отв. ред. акад. В.Н. Кудрявцев. Москва : Издательство «Наука», 1987. 208 с.
3. Бунак В.В. Антропологическое изучение преступника, его современное положение и задачи. *Архив криминологии и судебной медицины*. Харьков : Юридическое изд-во Наркомюста УССР, 1927. Том 1. Кн. 2–3. С. 535–569.
4. Ходимчук О.О. Насильницька злочинність осіб з психічними аномаліями та її запобігання : дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. Наук : спец. 12.00.08 / Оксана Олегівна Ходимчук ; Національна академія внутрішніх справ України МВС України. Київ, 2005. 228 с.
5. Балабанова Л.М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений) : монография. Донецк : Сталкер, 1998. 432 с.

6. Антонян Ю.М. Изучение личности преступника : учебн. пособие. Москва : изд. ВНИИ МВД СССР, 1982. 80 с.

7. Гомонов Н.Д. Криминологические аспекты противоправного поведения лиц с психическими девиациями : дисс. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук. *спец.* 12.00.08 / Николай Дмитриевич Гомонов ; Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург, 1999. 264 с.

8. Гомонов Н.Д. Психические девиации и преступное поведение (криминологический и уголовно-правовой анализ): дисс. на соиск. уч. степени д-ра юрид. наук. *спец.* 12.00.08 / Николай Дмитриевич Гомонов ; Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург, 2002. 496 с.

9. Ситковский Д.В. Преступность лиц с психическими расстройствами (по материалам Республики Дагестан) : дисс. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук. *спец.* 12.00.08 / Дмитрий Вадимович Ситковский; Дагестанский государственный университет. Махачкала, 2006. 199 с.

10. Mullen P. Schizophrenia and violence: from correlations to preventive strategies. *Advances in Psychiatric Treatment*. 2006. Vol. 12. P. 239–248.

А н н о т а ц и я

Сердюк П. П. Психические расстройства и преступность. – Статья.

Статья посвящена вопросу влияния наличия у лица психического расстройства на вероятность совершения ним преступления. На основе измерений и расчётов, а также имеющейся эмпирики делается вывод о неточности предыдущих исследований по этому вопросу, и развеивается миф о большей склонности лиц с психическими аномалиями к совершению преступлений.

Ключевые слова: амигдаллярный комплекс головного мозга, вероятность, психическая аномалия, психическое расстройство, преступность.

А н о т а ц і я

Сердюк П. П. Психічні розлади і злочинність. – Стаття.

Стаття присвячена питанню впливу наявності у особи психічного розладу на ймовірність вчинення ним злочину. На основі вимірів і розрахунків, а також наявної емпірики робиться висновок про неточність попередніх досліджень із цього питання, і розвіюється миф про більшу схильність осіб із психічними аномаліями до скоєння злочинів.

Ключові слова: амiгдаллярний комплекс головного мозку, злочинність, ймовірність, психічна аномалія, психічний розлад.

S u m m a r y

Serdiuk P. P. Mental disorders and crime. – Article.

The article is devoted to the question of the influence of a person's mental disorder on the likelihood of a crime being committed. Based on measurements and calculations, as well as the available empiric is made a conclusion about the inaccuracy of previous studies on this issue, and the myth about the greater tropism of persons with mental anomalies to commit crimes is dispelled.

Key words: amygdala complex of the brain, crime, probability, mental abnormality, mental disorder.